

На правах рукописи

АВДЕЕВА Елена Владимировна

**ПОЭТИКО-ФИЛОСОФСКАЯ КАРТИНА МИРА
В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА МАКСИМОВА «КАРАНТИН»**

Специальность 10.01.01 – русская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Елец – 2004

Работа выполнена на кафедре русской филологии Тамбовского государственного технического университета

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Попова Ирина Михайловна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Гончаров Петр Андреевич

кандидат филологических наук, доцент
Стрельцов Альберт Михайлович

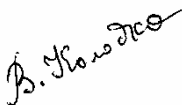
Ведущая организация   Магнитогорский государственный
университет

Защита состоится « ____ » _____ 2004 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.059.01 в Елецком государственном университете им. И.А. Бунина по адресу: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

В.М. Колодко

Подписано к печати 16.11.2004

Гарнитура Times New Roman. Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Объем: 1,28 усл. печ. л.; 1,22 уч.-изд. л.

Тираж 100 экз. С. 801

Издательско-полиграфический центр ТГТУ
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Романистика Владимира Максимова в последнее десятилетие довольно активно изучается в России. В 1960-е годы, когда одна за другой стали выходить повести писателя: «Мы обживаем землю» (1961), «Жив человек» (1962), «Баллада о Савве» (1963), «Дорога» (1966), «Стань за черту» (1967), – критика восторженно приняла молодого талантливую прозаика. Появились многочисленные рецензии, обстоятельные разборы его повестей в ведущих журналах и газетах того времени. Среди них статья «Поэзия и проза "Тарусских страниц"» Евгения Осетрова, а также «Жив человек» Ф. Светова, «Победил человек» А. Берзера, «Спор века» В. Бушина, «Иду к горизонту» И. Борисова, «Подними голову, человек» С. Смоленского, «Путь к себе» В. Литвинова и многие другие¹. Признавая силу таланта прозаика, критика оценивала повести Максимова с позиций соответствия произведений критериям соцреализма.

Русская критика, в лице Л. Аннинского, И. Золотусского, В. Петелина смогла наметить основные перспективы научного изучения ранних повестей писателя². Но в «Списке книг, не подлежащих распространению в книготорговой сети» значились двенадцать книг Максимова, в том числе его ранние повести, рассказы и драмы 1961 – 1970-х годов³, после чего писать о прозаике стало не принято.

Зарубежная критика начала писать о Владимире Максимове с 1974 года, игнорируя его первый творческий этап, активно рецензируя изданный на Западе роман «Семь дней творения» (1971).

Роман Владимира Максимова «Карантин» (1973) – это первое произведение, написанное, с одной стороны, без боязни цензуры «в полный голос», с другой стороны – уже в отрыве от России. «Карантин» знаменует собой начало нового этапа творчества писателя, характеризующегося усиленными художественными поисками и существенными «сдвигами» стиля. Одновременно этот роман является продолжением и углублением проблемно-художественного содержания его ранних повестей («Мы обживаем землю», «Жив человек», «Стань за черту», «Дорога», «Баллада о Савве») и первого романа «Семь дней творения».

Роман «Карантин» занимает особенное место в наследии русского писателя, так как, являясь переходным (от советского периода творчества к эмигрантскому этапу), он связывает и синтезирует все основные эстетические тенденции автора. Исследователи справедливо отмечали, что и в жанровом отношении это произведение представляет собой «творческую находку» Владимира Максимова, но целостной оценки это произведение не получило до сих пор.

В журнале «Грани» 1978 года во Франкфурте вышла статья Л. Ржевского «Триптих В. Е. Максимова. Алгебра и гармония», где три последних романа писателя («Семь дней творения», «Карантин» и «Прощание из ниоткуда») рассматривались как единое целое. Интересующий нас роман анализировался как «жанрово-стилевая мозаика»⁴. Критик не находил «связующей нити» внутри произведения, на трех страницах пересказывая сюжетную фабулу «Карантина».

Пространный труд А. Краснова-Левитина «Владимир Максимов» также отличался простым и несколько тенденциозным пересказом событий, изображенных в романах писателя, рассматривая их с точки зрения «жизни в СССР»⁵.

Дунаев М.М. в книге «Православие и русская литература» наоборот подчеркивал важность не столько того, что в романе «Карантин» автор являет себя «непримиримым противником всего комплекса социальных и идеологических ценностей, которыми обладало советское общество: от ярконсервативных до бездумно-либеральных»⁶, сколько того, что в этом произведении «в тягостном хаосе бытия указывается единственная верная цель, определяемая участием Божиим в делах человека». Науч-

¹ Светов, Ф. Жив человек / Ф. Светов // Известия. – 1962. – №250; Осетров, Е. Поэзия и проза «Тарусских страниц» / Е. Осетров // Литературная газета. – 1962. – 9 января; Берзер, А. Победил человек / А. Берзер // Новый мир. – 1963. – № 4; Бушин, В. Спор века / В. Бушин // Звезда. – 1963. – № 3; Гордеева, Н. Грани добра и зла. Полемические заметки о повести В. Максимова «Стань за черту» / Н. Гордеева, В. Дудинцев // Комсомольская правда. – 1967. – 5 июня.

² Аннинский, Л. О спектакле «Жив человек» / Л. Аннинский // Театр. – 1965. – № 10; Золотусский, И. Рецензия на повесть В. Максимова «Стань за черту» / И. Золотусский // Юность. – 1967. – № 5; Петелин, В. Россия – любовь моя / В. Петелин // Волга. – 1969. – № 3.

³ Список книг, не подлежащих распространению в книготорговой сети: Библиографический указатель. – М., 1981. – С. 60.

⁴ Ржевский, Л. Триптих В.Е. Максимова. Алгебра и гармония / Л. Ржевский // Грани, 1978. – № 9. – Франкфурт. – С. 96 – 124.

⁵ Краснов-Левитин, А. Владимир Максимов / А. Краснов-Левитин // Два писателя. – Париж: «Поиски», 1983. – С. 124 – 197.

⁶ Дунаев, М.М. Православие и русская литература: В 6 ч. / М. Дунаев. – М.: Христианская литература, 2000. – Ч. 6. – С. 592.

ный анализ поэтики романа «Карантин» ученым-богословом, естественно, не проводился. В книге польской исследовательницы Катаржины Дуды «Власть и народ. Творчество Владимира Максимова» «Карантину» посвящено пять страниц⁷. Но в материалах международной конференции «Картина мира и человека в литературе и мысли русской эмиграции», проходившей в Ягеллонском университете Польши, рассматривались библейские мотивы в прозе Владимира Максимова и есть упоминание о роли пейзажа в его произведениях, в том числе и в романе «Карантин»⁸. Марамзин В. связывал роман «Карантин» с автобиографическим романом Максимова «Прощание из ниоткуда»⁹.

Практически не добавили ничего существенно нового в исследование романа «Карантин» и диссертации, посвященные творчеству В. Максимова (А. Дзиова, Л. Шаховой, А. Баклыкова, Н. Савушкиной, Чу Юань, М. Глазковой¹⁰), так как объектами исследования в них были романы «Семь дней творения», «Ковчег для незваных», «Прощание из ниоткуда», «Кочевание до смерти», а интересующего нас романа касались в связи с близостью постановки некоторых проблем.

Актуальность исследования связана со сложившейся в максимоведении ситуацией, а именно с настоятельной потребностью осмысления образной, проблемно-тематической, композиционной, подтекстовой структур этого значительного не только для творчества Владимира Максимова, но и всей литературы третьей волны русского зарубежья произведения. Изучение романа «Карантин», ставшего своеобразным синтезом по крайней мере нескольких традиций русского литературного процесса предшествующих эпох входит в приоритетное направление отечественного литературоведения, в той его части, которая исследует жанровую специфику прозы последней трети XX столетия.

Объектом исследования является роман Владимира Максимова «Карантин», который создан на линии пересечения двух ветвей единой русской культуры в самый драматический период творческой жизни писателя.

Предметом диссертационного исследования становится жанровая структура романа Владимира Максимова «Карантин» как тип конструкции образа художественного мира.

Цель диссертации заключается в том, чтобы дать по возможности полный и целостный жанровый анализ романа «Карантин» в его неразрывной связи с ранней прозой писателя и первым романом «Семь дней творения», выявив то новое, что делает произведение переходным по отношению к эмигрантскому периоду его творческой жизни, проанализировав при этом эстетическую картину мира в аспекте художественной антропологии писателя.

Задачи исследования вытекают из основной цели диссертации:

- выявить идейно-тематическую основу романа «Карантин» и его образную структуру;
- проанализировать повествовательные уровни произведения; определить смысл введения авторской маски в форме всеведующего драматизированного повествователя;
- определить функции рефлексующего рассказчика, являющегося лирическим героем произведения;
- изучить способы выражения авторской позиции через всю систему внутренних повествователей;
- выявить характерные поэтические средства и особенности построения произведения;
- определить место романа «Карантин» в системе всего творчества Владимира Максимова.

Методология исследования предполагает совмещение нарративного, историко-функционального и герменевтического методов исследования художественных произведений.

В основе диссертационной работы лежит следующая **гипотеза**: роман «Карантин» стал обобщением развития ранней прозы Владимира Максимова, а также продолжением, углублением, расширением проблемы роли христианства в исторической судьбе России, поставленной в романе «Семь дней творения».

⁷ Дуда, К. Власть и народ. Творчество Владимира Максимова / К. Дуда. – Краков: Ягеллонский университет, 2001. – С. 296.

⁸ Ананичев, А. Библейские мотивы в прозе Владимира Максимова. / А. Ананичев // Картина мира и человека в литературе и мысли русской интеллигенции: Матер. Междунар. конф. – Краков, 25 – 27 августа. – Ягеллонский университет. – 2002. – С. 297 – 310.

⁹ Марамзин, В. Русский роман Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда» / В. Марамзин // В литературном зеркале: о творчестве Владимира Максимова. – Париж-Нью-Йорк: Третья волна, 1986. – С. 73 – 84.

¹⁰ См., например: Баклыков, А.В. Жанровое своеобразие романа Владимира Максимова «Кочевание до смерти» / А.В. Баклыков. Дис... канд. филол. наук. – Тамбов, 2000; Дзиов, А.Р. Проза Владимира Максимова / А.Р. Дзиов. Дис... канд. филол. наук: 10.01.01 – СПб., 1994. – 160 с.; Глазкова, М.М. Роман Владимира Максимова «Семь дней творения»: проблематика, система образов, поэтика / М.М. Глазкова. Дис... канд. филол. наук: 10.01.01. – Тамбов, 2004. – 184 с. и др.

Воплощение и решение этой проблемы достигается разработкой новой для прозаика жанровой формы философского христианско-аксиологического романа. Многоуровневая система повествования, применяемая в романе «Карантин» дает возможность писателю наиболее полно выразить авторское отношение к окружающей реальности.

Научная новизна диссертации состоит в том, что впервые дается целостный жанрово-аксиологический анализ спорного и малоисследованного произведения Владимира Максимова – его романа «Карантин» на основе обобщения имеющихся в литературоведении материалов и новой интерпретации художественного текста; исследуется с позиций современной нарратологии многоуровневая повествовательная структура произведения, устанавливаются ассоциативные связи, определяется специфика хронологических отношений, системы образов, способов выражения авторского сознания.

Положения, выносимые на защиту:

1 Роман Владимира Максимова «Карантин» представляет собой дальнейшее углубление и расширение философско-художественной картины мира, представленной в первых повестях писателя «Жив человек», «Мы обживаем землю», «Стань за черту», «Дорога», «Баллада о Савве» и его романе «Семь дней творения».

2 Идеино-тематическую основу произведения составляют поставленные и решенные в рамках христианской системы ценностей проблемы определяющей роли православной Веры в истории России; проблема губительного воздействия идей своеволия и «наполеонизма», приведших к повсеместной деградации духовности, к нравственному растрению и оскудению народных вековых традиций, к беспмятству и отказу от духовных ценностей предшествующих поколений; проблема «оскудения любви» и необходимости преображения человека через осознание всеобщей вины и всенародное покаяние; проблема поиска утерянного смысла бытия.

3 Философско-религиозная проблематика романа «Карантин» воплощается в оригинальной форме многоуровневого повествования, в котором происходит совмещение различных временных пластов не только жизни главных героев, которая переосмысливается ими в остановленном на запасных путях карантинном поезде, но в целом из многовековой истории России.

4 Владимир Максимов выражает свою художественную позицию с помощью сопряжения различных голосов повествователей, среди которых носящий авторскую маску всеведающий драматизированный рассказчик Иван Иванович Иванов, рефлексирующий повествователь – лирический герой Борис Храмов и десятки второстепенных персонажей-нарраторов, рассказывающих (оформленные как внутривроманные жанры) «байки», «притчи», «легенды», «сказания», «сказки», «рассказцы» и т.д.

5 Поэтическая картина мира создается в романе «Карантин» всей системой средств выразительности и образности, среди которой главенствующая роль отведена «говорящим» сквозным деталям, библейской символике, пейзажу, портрету и приему утрированной метафоричности. Сложная архитектура романа придает повествованию особый учащенный ритм, подчиненный главной авторской идее: утверждению «истинной любви» в качестве основы и смысла земного бытия.

6 Хронотопические отношения в романе «Карантин» способствуют формированию религиозно-философской и исповедально-психологической жанровой составляющей произведения, постоянно соединяя историческое и вневременное, бытовое и бытийное, житейское и философское в судьбах персонажей произведения.

7 Роман Владимира Максимова «Карантин» представляет новый художественный этап развития творчества писателя, знаменующийся эстетическими поисками в области расширения возможностей реалистического метода отображения действительности.

Теоретико-методологической базой данного исследования является труды известных теоретиков литературы В.В. Виноградова, Б.В. Томашевского, В.В. Проппа, Ю.М. Лотмана, М.М. Бахтина, Б.И. Кормана, В.Е. Хализеева, Н.Л. Лейдермана, Г.Л. Нефагиной, В.В. Тюпы и других.

В диссертации используются также работы зарубежных исследователей З. Мауриной, И. Рубина, В. Иверни, П. Равича, Ж.-П. Мореля, Ф. Эберштадт, а также отечественных ученых М.М. Дунаева, Л.А. Смирновой, затрагивавших проблемы творчества Владимира Максимова. Учен опыт диссертаций о прозе Максимова А.В. Дзюва, Л.А. Шаховой, А.В. Баклыкова, Н.Н. Савушкиной, М.М. Глазковой, А.А. Ильинского, Чу Юань и других.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что работа дает возможность углубить определенные теоретические аспекты прозы русского зарубежья «третьей волны», а также теоретически

осмыслить жанровое многообразие русского романа XX века.

Практическое значение работы связано с тем, что полученные научные результаты могут применяться при дальнейшем изучении эпоса литературы русского зарубежья, а также при чтении курсов лекций по истории русской литературы XX века, ведении семинарских и практических занятий в вузах.

Апробация диссертационного исследования. Основные положения диссертации регулярно обсуждались на заседаниях кафедры русской филологии Тамбовского государственного технического университета. Результаты научного исследования докладывались на IV Всероссийских чтениях, посвященных братьям Киреевским, «Оптина пустынь и русская культура» в Калуге (2001), на научных конференциях в городах: Воронеж (2001), Тверь (2003), Тамбов (2004).

Основные положения диссертации отражены в девяти публикациях.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, примечаний и списка литературы.

Содержание работы определяется семью основными положениями, выносимыми на защиту.

Глава первая «Аксиологическая парадигма романа Владимира Максимова "Карантин"» посвящена исследованию жанрового содержания романа. В ней выявляются в соответствующих параграфах проблема связи исторической судьбы России с христианской аксиологией, проблема взаимоотношений личности и тоталитарного общества, проблема «отцов и детей», причем конфликт поколений решается как проблема вины «отцов», а также проблема смысла бытия.

В первом параграфе «Роль христианства в исторической судьбе России (антиномия "своеволие и смирение")» анализируется полифонизм семантического наполнения понятия заглавия романа – «карантин», которое вместе с эпиграфом представляют собой концептуальный заголовочный комплекс, четко выражающий авторский замысел. Делается вывод, что медицинский термин, вынесенный в заголовок романа Владимира Максимова, приобретает одновременно и символический, и философский смысл. Изображая реальные события 1970-х годов, когда был объявлен карантин «по холере», В. Максимов помещает своих героев в карантинный поезд, остановленный перед Москвой. Представители советской интеллигенции (поэт, режиссер, актриса, военный, летчик, священник) оказываются на некоторое время в бездействии, в изоляции, ощущая тревогу за свои жизни. Эта экстремальная ситуация используется автором для показа истинной сути человеческих характеров. Герои не только проявляют и выявляют себя, но и познают глубинные импульсы своих истинных чувств и представлений. Термин «карантин» в романе В. Максимова – это вынужденная мистическая остановка течения быта для осознания бытия. Самопознание для Бориса Храмова, Марии, Георгия Жгенти и других персонажей оборачивается в конце концов познанием всего исторического пути России, пониманием будущего страны, которое зависит от них.

Заглавие определяется автором как некий доминирующий и господствующий элемент, при помощи которого осуществляется построение всего художественного произведения, смысл и название его частей, дается с необычной сжатостью основная идея, конденсат образа художественного произведения. Карантин – это историческая остановка для осмысления пройденного пути. Концепт осмысления присутствует в романе не только в настоящем (1970-е годы), но и на протяжении десяти веков, с момента принятия на Руси православия.

Жанровое своеобразие романа Владимира Максимова «Карантин» составляет единство историко-документального и мистического (вневременного) изображения бытия. Созданный в самый мучительный для писателя период жизни, когда вопрос об отъезде из России стал трагической необходимостью, роман «Карантин» содержит в себе новые тенденции как проблемного, так и эстетического планов.

Важнейшим элементом идейно-эстетической структуры романа «Карантин» является, по нашему убеждению, сквозное использование мотива известного стихотворения Александра Блока «На железной дороге». Воссозданный вслед за Н.А. Некрасовым концепт пути России, который предстает «железным путем», воздвигнутым русским народом в невероятных страданиях и сверхчеловеческих мучениях («... а по дороге все косточки русские ...»), переносится Владимиром Максимовым в анализируемое произведение.

Вводя ветхозаветные библейские параллели в повествование, автор достигает эффекта совмещения пластов истории. Одновременно соприсутствуя или перемежаясь, в данном произведении сосуществуют самые узловые моменты истории России. Объединяет эти десять веков прошлого России на фабульном уровне клан Храмовых, представители которого являются главными героями «Карантина». Чтобы выявить причины «оскудения рода Храмовых», писатель сдвигает временные отрезки русской истории так, чтобы были видны повторяющиеся на новом эпохальном витке одни и те же духовные процессы: восхождение или низвержение в бездну зла. Владимир Максимов, обозревая историю христианской Руси, подчеркивает, что всегда отход от чистых истоков христианской веры ввергал Россию в страшные беды, а возвращение к любви, милосердию и всепрощению всегда возводило народ через благодатное преображение духа к возрождению и воскресению.

Состояние современного общества в аспекте проблемы деградации личности становится объектом анализа во втором параграфе первой главы «Проблема "Личность и современное общество" ("победители" и "побежденные" в романе "Карантин")».

С отказом от ценностей христианства и резким падением духовности в народе, всегда совмещавшем в своей соборной душе христианское смирение с языческой страстностью, связывает Владимир Максимов все неисчислимы беды, обрушившиеся на Россию: революции, войны, «глады и моры». Обнаружение закономерностей, доминирующих черт национального характера, определивших кризисное состояние тоталитарного общества и связанный с ним процесс деградации личности составляют основу художественной картины мира в романе «Карантин». В отличие от ранних повестей и первого романа «Семь дней творения» автор решает эту сквозную для его творчества проблему на примере драматических судеб не только пролетариев и крестьян, но и на судьбах русской интеллигенции. Проблему эту автор определяет, как и в предыдущем романе, в качестве конфликта «победителей и побежденных». Проблема антагонизма вершителей революции и ее жертв, поставленная впервые в романе «Семь дней творения», находит не только продолжение, но и углубление в романе «Карантин». «Победители» – это одновременно и «баловни, и жертвы собственного детища»¹¹.

Проблема взаимоотношений личности и тоталитарного общества заставляет писателя выявить такую важнейшую ее грань как ментальность русского народа, те особенности русского национального характера, которые способствовали установлению тоталитаризма.

Анализируя современное состояние общества, Владимир Максимов, развивая идеи «Семи дней творения» и связывает социальный кризис с последствиями революционного переворота 1917 года. Устами «героя автора» (Ивана Ивановича Иванова) он обвиняет в бедах России «стан победителей».

Автор романа формулирует кредо «победителей»: «победитель жаждет переделать мир по своему образу и подобию, ни сколько не задумываясь над тем, достойна ли его убогая сущность быть моделью такому преображению. Но если Божий мир и «мастерская», то не для отмычек, здесь «в чести делатели, а не взломщики»¹². Тема «победителей и побежденных» воплощается в романе с помощью интертекста Ф.М. Достоевского.

Самые узловые сцены романа связаны с беседой будущего Сталина и старца Ново-Афонского монастыря Игнатия, «знаменитого своей богоугодной жизнью». Старец этот – новая ипостась образа Великого инквизитора. Елейно-мудрыми речами он извращает смысл подвига Христа и призывает к насильственному «гону» человечества в рай. Присутствие интертекстуального показателя – точной цитаты из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского усиливает впечатление родства фигуры Великого инквизитора и старца Игнатия. Будущий властитель, вождь народов России присягает новоафонскому отступнику во зле, подтверждая, что готов предать мать, жену, детей, убить друга, приступить все заповеди и законы человеческие... Он верит, что «человек *возжаждал устроиться на земле*, устроится любой ценой, даже ценой преступления. Кровь и ярость застилает ему глаза, он уже не подвластен никакой благодати»¹³. Цель, поставленная старцем: остановить человечество, изменить его путь ценой неслыханного насилия, омыв землю кровью.

Выстраивая в романе «Карантин» цепочку из судеб «своевольцев», желающих своей земной жизнью «исправить подвиг Христа» и совершивших «подвиг проклятия», а не подвиг Любви, Владимир

¹¹ Максимов В.Е. Собр. соч.: В 9 т. Карантин / В.Е. Максимов. – М.: Терра, 1991. – Т. 3. – С. 155.

¹² Там же.

¹³ Максимов В.Е. Собр. соч.: В 9 т. Карантин / В.Е. Максимов. – М.: Терра, 1991. – Т. 3. – С. 85.

Максимов подчеркивает интертекстом Достоевского, что пророчества русского классика о бесовской природе революционного насилия воплотились в бедах современной России. Истинный путь народа простирается через покаяние, к смиренной любви «побежденных», к посприанию гордыни «победителей».

В третьем параграфе «Проблема вины: антиномия возмездия и всепрощения в романе "Карантин"» тема последствий революционного переворота в России, тема русского бунта, «бессмысленного и беспощадного», затрагивавшаяся уже в повестях Владимира Максимова «Дорога», «Стань за черту», «Баллада о Савве», а также в романе «Семь дней творения», показывается сквозь призму православной аксиологии.

Российская интеллигенция должна найти духовные силы, чтобы преодолеть идеалистические представления, оторванные от реальной почвы. Лева Балыкин, сын актеров – своим рассказом демонстрирует всю степень духовного падения, которую прошла русская послереволюционная интеллигенция. «Атмосфера метафизики и любви» оказалась на деле «кругом содомского порока» и греховности.

Идеализм характерен для всех слоев российского общества. «Верный партии и родине» солдат Хрулев, «колченогий инвалид», ярый идеалист, который «долго одолевал руководящие организации предложениями всевозможных новшеств и изобретений. Брался, к примеру, снабдить каждого колхозника в округе индивидуальным летательным аппаратом или прорыть многоступенчатый канал от местной речки Лисковой, с тем, чтобы облегчить хлеборобам вывозку навоза на поля. Предлагал он также специальные ракеты для создания искусственного дождя»¹⁴.

Это «всеобщее освинение» связано, по мысли писателя, «с желанием прикрыть свои грехи, пороки, никчемность имитацией честности, добропорядочности, гениальности и значительности». Это «выверт идеализма», ставший в какой-то период истории национальной чертой русских, высмеивается с помощью поэтических средств народного творчества.

Максимов, как и в своих ранних повестях, в романе «Семь дней творения» ищет разгадку загадочной русской душе. Бессознательное у русских всегда доминирует над сознательным, утопическое – над реальным. «Идеал русских столь высок, что обесценивает реальность, порождая к ней враждебное отношение, способное достигать сатанинского злорадства. Поэтому оборотная сторона трансцендентального идеализма – нигилизм»¹⁵. Эту черту ловко использовали в своих целях революционеры всех национальностей, по убеждению автора романа.

В народе проснулись темные подсознательные силы, которые были под спудом христианского учения. Бог небесный был заменен на бога земного – «золотого тельца», мечте о земном рае, одинаковом для всех. Все чаще по ходу повествования в подсознании главных героев Иван Иванович предстает в облике ангела, апостола Марка, а затем воплощается в душу убитого «молодого лейтенантика», стрелявшего в венгерских мальчиков за утверждение коммунистической идеи.

Теперь с помощью откровения Ивана Ивановича Борис Храмов осознал «причину оскудения рода», которая заключается в «охлаждении любви», в победе гордыни над смирением. Он обращается вновь и вновь к своему прошлому, находя в нем ответы на, казалось бы, неразрешимые загадки жизни. «Позорные» смерти деда и отца приоткрывают завесу над драмой их жизни, в которой не хватало сострадательной любви. Борис, как и его пращур Илья Храмов, получает небесную помощь, Божественную Благодать: полностью осознавая свою вину, обретая веру и с ней полноту жизни, принимая страдание и решая достойно нести свой крест до конца.

В итоге автор подводит читателя к выводу, что основной груз вины, заключающийся в отклонении от Христианской Истины, лежит на русской интеллигенции, своими максималистскими идеалами «о земном счастье равных» ввергнувшей страну в бездну насилия, злобы, социальной ненависти и приведшей к духовному оскудению нации. Только покаяние и всепрощение, то есть возвращение к православным этическим нормам, следование заповедям может спасти народ от «духовной хвори».

В последнем разделе первой главы «Любовь как смысл человеческого бытия в романе Владимира Максимова "Карантин"» устанавливается путем анализа художественного текста, что любовь, по мысли автора, является высшим смыслом бытия. В структуре образа автора всегда находит выражение оценка воссоздаваемой им картины мира. Спектр, в котором раскрывается этот образ в романе, можно

¹⁴ Там же. – С. 47.

¹⁵ Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература / И.С. Скоропанова. – М.: Флинт, 2000. – С. 457.

определить как исповеднический. Из повестей в роман «Семь дней творения», а затем в «Карантин» приходит идея, что предвечно совершенное сотворение мира продолжается в истории человечества, на Русской земле, в каждой людской душе. Исповедническое настроение свойственно всем героям Владимира Максимова. Путь от бездуховности «к общению с Неисповедимым» – вот основная динамика персонажей писателя. Но движение к духовной гармонии, к Вере возможно только для души, готовой к приятию Христовой любви, то есть такого отношения к близкому, как к самому себе. Пройдя через все мытарства, которые им уготовила судьба, Борис и Мария обретают Любовь и Веру, которые представляют собой неразрывное единство. Таким образом, проблема любви как смысла земного бытия решается Владимиром Максимовым в рамках православной христианской аксиологии, совмещающей любовь со страданием, служением ближнему, с верностью и Верой.

Вторая глава диссертации – «Система повествования: способы выражения авторского сознания в романе Владимира Максимова "Карантин"» посвящена рассмотрению особенностей поэтики романа: специфике повествования и жанровой формы.

В первом параграфе «Авторские маски в романе "Карантин" (образ "всеведающего драматизированного" повествователя Ивана Ивановича Иванова)» анализируются функции самого загадочного персонажа, описывающего сны и видения героев.

В отличие от предыдущего романа писателя «Семь дней творения», в «Карантине» архитектура усложнена и обнаруживает сразу несколько сюжетных уровней. В произведении перемежаются, составляя единую нарративную сеть, прошлое, настоящее и будущее центральных персонажей – Бориса и Марии, а также историческое прошлое России, ее настоящее и грядущее. Повествование перетекает из яви в грезы, в видения, реальный мир соприкасается с потусторонним, мистическое проявляется в обыденном.

Повествование в некоторых главах ведется от лица главного героя – Бориса Храмова, имеющего реального прототипа (Бориса Дурова) и выступающего в роли «героя автора». Герой-повествователь, отталкиваясь от рабства, «крови и грязи» тоталитарной системы общества и полностью отрицая ее, предпочитает смотреть на мир «сквозь призму алкоголизма». Тип героя Владимира Максимова несколько похож на основных персонажей писателей постмодернизма: Вен. Ерофеева «Москва – Петушки», В. Некрасова, А. Битова и других. Это человек умный, пытливый, совестливый, но слабовольный.

В качестве рассказчика-повествователя главный герой, спивающийся Борис Храмов, выступает только в девятнадцати из пятидесяти шести глав, составляющих роман «Карантин». В остальных главах повествование ведется или от третьего лица или от лица второстепенных персонажей. Повествователем является и травестированное alter ego автора – Иван Иванович Иванов, которого Владимир Максимов делает самым таинственным и неоднозначным персонажем своего романа.

Писатель как бы отстраняется от самого себя, вступает в игру со своим травестированным двойником, побуждая его на протяжении всего произведения играть двойственную роль: «то ли ангела, то ли дьявола» (эдакий булгаковский Воланд), раскрывая его истинную сущность только к финалу. Получается, что, отказываясь от прямого самовыражения, В. Максимов в отдельных главах пользуется авторской маской, что, возможно, связано с ясно обозначившейся в русской литературе XX века общей тенденцией добровольного отказа от функций писателя-пророка.

Сложная система многоуровневого повествования призвана, на наш взгляд, предельно обнажить авторскую мысль, продемонстрировать ее неоднозначность. Жанровые обозначения сразу начинают работать на выражение авторской позиции и направляют читательское внимание в определенное русло. Рассказ здесь доминирует над «показом», и выявляется неспособность «драматизированного повествователя» непосредственно изображать сознание персонажей, чему мешает «описательность», «репортажность» ретроспективного изложения событий, описываемых только с позиций приобретенного жизненного опыта.

Возможно, поэтому при изображении главных героев, несущих авторскую идею, – Марии и Бориса – Владимир Максимов использует более сложную форму «всеведающего повествования», чем при ретроспективных обзорах. У героев при появлении Ивана Ивановича постоянно возникает чувство ожидания чего-то чрезвычайно важного.

Таким образом, вводя образ «драматизированного» повествователя-комментатора в роман «Карантин», Владимир Максимов сохраняет до конца его смысловую множественность, выражая через него свою неоднозначную авторскую позицию относительно мира, где поколеблены критерии ценностей и нарушены смысловые ориентации под воздействием кризиса веры. Автор, воплощая в образе Ивана Ивановича созданную им авторскую маску, выступает в специфической роли персонажа-аккумулятора, который балансирует между реальной личностью и мистической фигурой, между позицией «всеведающего мудреца» и «юродствующего черта». Травестирование образа автора-персонажа, возможно, было призвано подорвать культ писателя, несущего людям Откровение Божье, и заставить каждого человека искать истину, сосредоточившись в самом себе, критически анализируя свою жизнь и с Верой обращаясь к своему будущему.

Второй параграф «Функции рефлексивного рассказчика-повествователя в романе Владимира Максимова "Карантин"» посвящен рассмотрению функциональности в качестве повествователя главного героя романа – офицера Бориса Храмова.

Герой-рассказчик – это тоже, как и Иван Иванович Иванов, драматизированный повествователь. Но Борис Храмов, который рассказывает или записывает все события, происходящие с ним, говорит с читателем от первого лица, и его оценки зачастую субъективны, проводятся в соответствии с его жизненным опытом советского офицера. Своим повествованием Борис Храмов характеризует прежде всего себя, а к характеристикам других персонажей он только добавляет свой особенный взгляд. Главное – это выполняемая персонажем-рассказчиком функция самонаблюдения.

Первые две главы романа, где завязывается основной конфликт, отданы автором Борису Храмову для самовыражения. Перед нами предстает уставший от лжи и лицемерия человек, ищущий забвение в вине. Он недоверчив, пессимистичен, скептически смотрит на отношения мужчины и женщины. Его опустошают любовные страсти, а сердце остается холодным. Душа его, по сути добрая, ожесточена жизненными обстоятельствами и заглушена бесконечными алкогольными возлияниями.

Треть романа отдана для повествования от лица Бориса Храмова. Если посмотреть на их соотношение, то можно увидеть, что именно к середине сюжета, ближе к кульминации, сконцентрированы главы, в которых о событиях рассказывает именно он. Здесь запечатлены моменты постепенного прозрения героя, движения его к истине.

Автор-персонаж выступает как «эго» реального творца текста, он принципиально литературен и обладает общностью позиций с Иваном Ивановичем, выступающим в качестве повествователя-двойника. Он мастерски передает диалоги других персонажей. Но внутренняя речь Бориса сменяется на повествование извне, когда он оказывается в храме. Тут повествование резко меняется на третье лицо, на безличный рассказ.

После того, как герой проходит сквозь болезнь и выздоравливает для новой жизни, в последних двух главах романа Борис показан через восприятие безличного повествователя. В «Сне о возмездии» Борис видит будущее, он соприкасается с иными мирами, понимает суть жизненных скитаний. В финальной главе раскрывается смысл участия в жизни Бориса и Марии – Ивана Ивановича Иванова, который наконец «благополучно завершил дело своей жизни» – способствовал духовному выздоровлению двух влюбленных душ.

Таким образом, функциональность рефлексивного рассказчика-повествователя в романе Владимира Максимова «Карантин» осложнена несколькими ролями: лирического, психологического повествования; изображения событий с «субъективных» позиций (человеком советского мышления) и частично – выражения авторского сознания.

Третий параграф второй главы «Система внутренних нарраторов в романе "Карантин"» содержит анализ функциональности внутренних жанров, в которых рассказчиками выступают различные второстепенные персонажи романа.

Максимов В. сплетает сложную нарративную сетку из «слова» этих повествователей, регулярно перемежая их речи оформленными как «внутренние жанры» рассказами «второстепенных нарраторов». Композиционно это представлено именно как сеть, так как голоса всех повествователей выстраивают

ся в четкой последовательности. К финалу появляются смешанные главы, где одновременно звучат голоса нескольких повествователей.

Чтобы достичь эффекта полифоничности, автор романа «Карантин», дает возможность высказаться многим персонажам, оформляя их голоса во внутренние жанры. Такими внутривнутренними жанровыми единицами выступают уже называвшиеся выше: «Сага о похоронах» Фимы Гершензона», «Исповедь Левы Балыкина», поэма священника Акопяна «Преображение тихого семинариста», «Сказание о кобыле Сильве» безымянного «носатого лагерника», рассказ эстонца «Эсперанто на службе человека», лирическая поэма Жанны Крутицкой «Плач Пенелопы», «Песнь песней» летчика Георгия Жгенти и исповедь Анны Тимиревой «Адам и Ева».

Рассказчиками выступают люди разных возрастов, национальностей, вероисповеданий, профессий, мировоззрений, темпераментов, социальных групп. И это не случайно. Автор романа хочет представить мнения самых различных слоев населения огромной страны, которая пережила «чудовищный» социальный эксперимент.

Если проанализировать связи и специфику расположения в романе отдельных глав, отданных внутренним повествователям, то можно заметить следующую закономерность. Вначале звучит голос Ефима Гершензона, человека, в сознании которого доминируют семейные ценности и который иронизирует над результатом жизни своего дяди, знаменитого большевика. Речь Фимы представляет собой колоритный еврейский говор с остроумным подтекстом и язвительными интонациями.

«Исповедь Левы Балыкина, или рок судьбы» – это голос талантливого актера, выходца из артистической среды. Человек ироничный, обозленный «тупостью реальности», Лева изображает события шестидесятых годов с некоторым цинизмом, издеваясь над идиотизмом советской действительности. Мощеннические наклонности, авантюризм в духе Остапа Бендера сделали Леву вездесущим. В речи Левы совмещаются советский канцелярит, интеллигентный этикетный стиль и «воровская феня».

«Душераздирающая» исповедь Балыкина сменяется голосом священника из Армении, который делает попытку дать мистическое объяснение революционным событиям в России. «Преображение тихого семинариста» напоминает своим патетическим пафосом и возвышенными эпитетами поэму.

Голос отца Георгия предупреждает о том, что горькие уроки прошлого не всеми восприняты правильно, что возможно возвращение на новый виток зла и насилия во имя ложных идей.

«Сказание о кобыле Сильве», принадлежащее уму и воображению лагерника, демонстрирует другой конец: результат возможного зла, которое задумывает вновь обуреваемый гордыней человеческий разум. Лагерник почувствовал на себе весь ужас рабства, его превратили в «мусор, золу, пыль». Но и на самом дне, растоптанной системой зла, персонаж сохранил в душе ростки любви, нежности, стремление заботиться о другом живом существе и любить Божий мир в его природных проявлениях.

Сказание отличается лиризмом, патетическим тоном повествования, исповедальным пафосом. Оно построено как монолог влюбленного. Как и в других внутренних жанрах здесь совмещается лагерная жаргонная речь с высоким слогом образованного интеллигентного человека. Этот человек сумел «очистить душу» через страдание.

Рассказ «Эсперанто на службе у человека» посвящен иному варианту, когда человек, пройдя через испытания, так и ничего не понял в жизни. Стиль речи, коммуниста-эстонца насыщен политическими клише и советским канцеляритом. Повествователь – человек, для которого русский не является родным языком, но он знает язык с таким совершенством, что никто не замечает разницы: герой обладает феноменальной языковой способностью. Он становится блестящим ученым-лингвистом. Считая советскую страну «мерилом правды и справедливости», веря, что «за нашей восточной границей реально воплотилась сказка о счастье», персонаж Максимова пишет «сказание» коммуниста в духе пропагандистских статей и передовиц партийных газет. Но его повествование убеждает в страшном зле маниакального следования идее.

Три последние внутривнутренние вставки посвящены теме любви, наполнены теплотой лиризма и представляют собой исповеди, принадлежащие ветреной актрисе, мужественному летчику и верной благородной пожилой женщине.

Несмотря на единство темы и сходную пафосность, заложенные в любовные исповеди, голоса повествователей звучат в унисон, но по-разному.

Таким образом, анализ вставных жанров позволяет увидеть, что голоса различных персонажей дополняют развернутую в романе «Карантин» авторскую эстетическую картину мира, делая ее многоголосой, полифоничной, диалогичной по отношению к окружающей реальности.

«Выражение авторского сознания средствами поэтической образности» становится объектом исследования в четвертом параграфе второй главы.

Понятия «образ автора» и «образ повествователя» не отражают всех проявлений авторского начала в романе «Карантин». Суть авторского сознания заключается не только в области сотворения образов, но также в формирующей авторскую позицию подборе поэтических средств. Авторское сознание проявляется также в выборе различных лексических средств. Авторское сознание проявляется также в выборе различных лексических средств. Гоголевский прием «метонимизации» человека, широко применяющийся у Салтыкова-Щедрина, а затем у Замятина, входит в поэтическую систему Владимира Максимова.

Категория времени также играет в романе Владимира Максимова «Карантин» важнейшую философско-эстетическую роль, так как представление о человеке как о «сгустке бытия», находящегося в бесконечном пути к Богу, протекающему в историческом времени, помогает понять смысл мучительных исканий человечества от начала сотворения мира, через современную эпоху и до скрытого от нас «конца времен».

Стиль прозы Владимира Максимова всегда целесообразен, вся система поэтических средств, включая хронологические отношения библейского романного типа, эффектно выполняют роль выражения авторского сознания, характеризующегося православным мировидением в романе Владимира Максимова «Карантин».

В заключении диссертационной работы делаются выводы, главный из которых: роман Владимира Максимова «Карантин» – оригинальное в жанровом отношении произведение, отличающееся от предшествующей прозы писателя тем, что в нем эстетическая картина действительности связывается и в идейно-тематическом, и в формально-поэтическом планах с христианской аксиологией. По сравнению с романом «Семь дней творения» автор «Карантина» усложняет жанровую систему повествования психологизмом, лиризмом и углубленной философичностью изображения картины мира, разрабатывает новые способы выражения авторской позиции и средства поэтической образности, совмещая реальные и мистические грани бытийного повествования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1 Авдеева (Незабудкина), Е.В. Особенности художественного времени в романе В. Максимова «Карантин» / Е.В. Авдеева (Незабудкина) // Человек в контексте культуры: Сб. науч. ст. – М.: Изд-во «Прометей» МПГУ, 2001. – Вып. 4. – С. 92 – 94.

2 Авдеева (Незабудкина), Е.В. Концепт «железного пути» России в романе Владимира Максимова «Карантин» / Е.В. Авдеева (Незабудкина) // Художественное слово в современном мире: Сб. ст. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2001. – Вып. 3. – С. 38 – 39.

3 Авдеева (Незабудкина), Е.В. «Победители» и «побежденные» в романе В. Максимова «Карантин» / Е.В. Авдеева (Незабудкина) // Труды IV-х Всероссийских чтений, посвященных братьям Киреевским «Оптина пустынь и русская культура»: Сб. науч. ст. – Калуга: ИД «Эйдос», 2001. – С. 77 – 81.

4 Авдеева (Незабудкина), Е.В. Проблема русского национального характера в романе В. Максимова «Карантин» / Е.В. Авдеева (Незабудкина) // Художественное слово в современном мире: Сб. ст. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. – Вып. 4. – С. 18 – 21.

5 Авдеева (Незабудкина), Е.В. Система «внутренних нарраторов» в романе В. Максимова «Карантин» / Е.В. Незабудкина // Художественное слово в современном мире: Сб. статей. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. – Вып. 5. – С. 30 – 33.

6 Авдеева (Незабудкина), Е.В. «Внутренние нарраторы» в романе В. Максимова «Карантин» / Е.В. Авдеева (Незабудкина) // Творчество В.Я. Шишкова в контексте русской прозы XX века: Сб. науч. ст. – Тверь: Твер. гос. ун-т; Золотая буква, 2003. – С. 210 – 213.

7 Авдеева (Незабудкина), Е.В. Концепт женственности в романе Владимира Максимова «Карантин» / Е.В. Авдеева (Незабудкина) // Труды ТГТУ: Сб. науч. ст. – Тамбов, 2003. – Вып. 14. – С. 185 – 187.

8 Авдеева (Незабудкина), Е.В. Сквозные мотивы в романе В. Максимова «Карантин» / Е.В. Авдеева (Незабудкина) // Труды ТГТУ: Сб. науч. ст. – Тамбов, 2004. – Вып. 16. – С. 139 – 141.

9 Авдеева, Е.В. Заголовочный комплекс романа В. Максимова «Карантин» / Е. В. Авдеева // IX Научная конференция ТГТУ: Пленар. докл. и кр. тез. 29 – 30 апреля 2004 года. – Тамбов, 2004. – С. 148.